

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
25 (88)

КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1974

ИЗ ИСТОРИИ ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Одной из существенных сторон в многогранной деятельности Палестинского общества со дня его основания — 21 мая 1882 г. — стала простетительная работа среди арабов Палестины, Сирии и Ливана.

Не прошло и года со дня основания общества, а оно уже открыло первую начальную мужскую школу недалеко от Назарета, в селе Мжедель. Через год для подрастающего поколения арабов распахнули двери еще три школы в селах ар-Рам, Кафр Йасиф, аш-Шаджара. В 1885 г. в Назарете общество открыло и первую начальную женскую школу.

Испытывая острую нехватку в педагогических кадрах, общество приступает к подготовке учителей из самих арабов. В 1886 г. оно открывает в Назарете мужскую учительскую семинарию, а спустя 4 года и женскую учительскую семинарию — в селении Бейт-Джала, недалеко от Иерусалима.

Решая таким образом вопросы учительских кадров, общество из года в год расширяет систему начального образования, и к 1910 г. она уже насчитывает 100 школ: на территории Палестины — 23 начальные школы, южной Сирии — 55 школ, в северной — 22.

Начальная школа состояла из четырех классов. В младший класс поступали дети от 3 до 6 лет. Здесь детям давали элементы арабского письма и учили счету попеременно с играми — арабскими и русскими. В старших классах учебная программа предусматривала арабский язык, русский язык, географию, арифметику, чистописание, черчение, пение, ручной труд и, конечно, закон божий.

Примечательно то, что учебная программа начальных школ общества учитывала необходимость привить детям трудовые навыки посредством ознакомления с садоводством, огородничеством и с некоторыми видами ремесел.

В учительских семинариях, кроме предметов начальных школ, учебная программа предусматривала алгебру, геометрию, педагогику. В мужской семинарии, кроме арабского и русского языков, изучали турецкий, факультативно английский, в женских — французский.

При семинариях существовали пансионаты и школы, в которых слушатели семинарии проводили практические занятия в качестве будущих педагогов.

Образцовая при мужской семинарии школа состояла из двух классов при шести группах. По отчету начальника семинарии А. Г. Кезма, в 1907/08 учебном году в школе было всего 114 учащихся, из коих в том году успешно ее окончили 9 учеников, 6 из них были приняты в семинарию.

В школах общества воспитательная работа шла по принципам передовой по тому времени русской педагогической науки с учетом национальной особенности местного населения и его исторического прошлого.

Спустя много лет одна из воспитанниц назаретской начальной школы и учительской семинарии в Бейт-Джала Кульсум Оде, непосредственно

наблюдавшая за деятельностью европейских миссионерских обществ на родине, писала, что эти общества «старались арабов-мусульман обращать в христианство, резко высказывались против ислама, а вот в школах Палестинского общества не только никогда не делали этого, но старались знакомить нас, арабов-христиан, со славным прошлым нашего народа, даже с возникновением ислама, знакомили с историей родной литературы. Я не привожу имен лиц, с которыми встречались в семинарии, но я хочу воздать должное человеку, который познакомил нас, арабских девочек, с историей арабов — Елизавете Ивановне Голубевой, дочери рязанского священника. Она, как и все наши учителя и воспитатели, старалась привить нам любовь к нашему языку, литературе, к народу. Она нашла возможным изучить историю халифата и прочесть нам двухгодичный курс по этому предмету. И вот спустя более полувека я склоняю голову и преклоняю колени перед ее памятью».¹ Вся дальнейшая жизнь автора этих строк — доказательство той великой роли общества, которую оно сыграло в деле сближения и дружбы двух народов — русского и арабского. Окончив назаретскую начальную школу, она на средства общества поступает в учительскую семинарию, а после окончания семинарии в 1908 г. Кульсум Оде — учительница назаретской женской школы.

Горячая любовь к русскому народу, его культуре, привитая в стенах школы и семинарии, стала путеводной звездой и в ее личной жизни. В 1914 г. она вышла замуж за русского врача — И. К. Васильева и стала той Оде-Васильевой, которая так самоотверженно служила благородному делу сближения русского и арабского народов. И ничто так не символично для характеристики общественной, научной, педагогической деятельности ее, как соединенная дефисом фамилия — Оде-Васильева. С 1914 г. нашедшая в России свою вторую родину, Клавдия Викторовна воспитала несколько поколений арабистов, прививая им любовь к арабам, их прошлому, настоящему и будущему, беря пример у своих учительниц из Палестинского общества. Причину ее успеха в конкурсе, объявленном в египетском журнале «ал-Хилал» в 1927 г. на тему «Как надо жить, чтобы быть счастливой», очевидно, надо искать в ее искренней любви к русскому народу, вдохновившей ее на статью, удостоенную в этом конкурсе первой премии.

Питомцы семинарии во время учебы жили в пансионатах исключительно на средства Палестинского общества. Их чувства, их думы выражает К. В. Оде-Васильева, когда пишет: «Я всю жизнь благодарна русскому народу, на чьи трудовые копейки я училась в те далекие годы и в далекой теперь от меня Палестине, где не так долго действовало Палестинское общество. Очутившись случайно в России, я избрала ее своей второй родиной и навсегда связала свою судьбу с советским народом. Памятуя, что я обязана своим образованием и положением России, я считаю себя неплатной должницей русского народа. Вступая в восьмой десяток жизни, я низко кланяюсь русскому народу и говорю сердечное русское спасибо».²

И. Ю. Крачковский, затрагивая просветительную деятельность общества среди арабов, писал: «Знание русского языка редко находило себе практическое применение в дальнейшей деятельности питомцев русских школ, но прикосновение к русской культуре, русской литературе оставляло неизгладимый след на всю жизнь. Сила книги обнаруживалась здесь во всей своей мощи. И недаром так много современных писателей старшего поколения, не только переводчиков с русского, но и творцов,

¹ К. В. Оде-Васильева. Взгляд в прошлое. Палест. сборник, вып. 13 (76), 1965, с. 175—176.

² Там же, с. 176.

сказавших свое слово для всего арабского мира, вышло из школ Палестинского общества. Эта среда скромных учителей меня особенно влекла. Многие из них и тогда уже нередко бывали писателями и журналистами: для другой общественной работы пути в старой Турции были еще закрыты. В этой настоящей интеллигенции ума, вышедшей из народа и жившей с народом, я видел грядущую силу. История арабских стран после первой мировой войны оправдала мои мысли».³

Значительны успехи и в другой сфере деятельности общества — научно-издательской. Общество, видя одну из своих основных задач в изучении и ознакомлении с прошлым и настоящим народов Сирии, Палестины и Ливана, привлекло в свой состав крупнейших русских ученых: академиком И. Ю. Крачковского, Н. П. Кондакова, Н. Я. Марра, профессоров Н. А. Медникова, А. Цагарели и других.

В мою задачу не входит обзор работ и деятельности всех ученых, членов общества. Я останавлиюсь лишь на двух знакомых арабистам именах — Н. А. Медникова и И. Ю. Крачковского.

Научная деятельность Н. А. Медникова связана исключительно с двумя учреждениями — Петербургским университетом и Палестинским обществом. По окончании факультета восточных языков Петербургского университета в 1887 г. Н. А. Медников работает при университете в степени магистра. С того же года по инициативе Палестинского общества и благодаря содействию своего учителя В. Р. Розена Н. А. Медников начал титанический труд по собиранию и разработке арабских источников по истории Палестины от завоевания ее арабами до крестовых походов. Несмотря на то что эта работа потребовала пятнадцатилетнего напряженного труда, Н. А. Медников продолжает сотрудничество с обществом и по другим линиям. Совместно с И. П. Помяловским он редактирует русскую обработку карты Палестины, участвует в комиссии общества по пересмотру программ и инструкции для учебных заведений этого общества, в заседаниях педагогического съезда при разработке программ арабского языка и литературы в школах и семинариях Сирии, Палестины и Ливана, читает лекции в научном кружке Палестинского общества «Собеседования по научным вопросам, касающимся Палестины, Сирии и сопредельных с ними стран». В 1893 г. общество выбирает Н. А. Медникова своим действительным пожизненным членом.

В 1902 г. вышла в свет его работа «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов» в четырех томах. Эта работа принесла заслуженную славу не только ее автору, но и русской арабистике в целом. По словам И. Ю. Крачковского, «после ее появления невозможно заниматься вообще каким бы то ни было вопросом палестинской истории за мусульманскую эпоху, в особенности раннего периода, не беря исходной точкой выводы этого труда». «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов» составляет предмет справедливой гордости как для Палестинского общества, так и вообще для русской науки — Западная Европа не может в этой области указать ничего равноценного».⁴

Давая труду Н. А. Медникова такую оценку, И. Ю. Крачковский считает, что эта точка зрения принадлежит не сугубо историку. Но современникам Н. А. Медникова стали известны оценки и историков, притом не только русских, но и западных.

Л. Каэтани, признанный авторитет мировой арабистики, во втором томе своего монументального труда «Анналы ислама», увидевшего свет в 1907 г., писал: «Впервые де Гуэ, а затем Вельгаузен (два арабиста мирового значения, — Л. Н.) установили с точностью относительную цен-

³ И. Ю. Крачковский. Избр. произведения, т. I. М.—Л., 1953, с. 50.

⁴ ЗВО, т. XV, с. 427—428.

ность различных источников. В этом специальном пункте работа Вельхаузена, быть может, еще более полезна, чем де Гуз; Медникова во всяком случае важнее обеих предшествующих. В капитальном и объемистом труде. . . Медников перевел на русский язык все отрывки арабских авторов, которые относятся к Палестине от мусульманского завоевания до крестовых походов, предпослав им ученейшее введение, в котором с критикой детальной, острой и часто поистине гениальной изучает все источники и исторические проблемы, выдвигаемые ими. В этом исследовании, которое было для нас в высшей степени полезно и которым мы широко пользуемся везде, он суммирует и подвергает принципиальному и счастливому анализу все то, что было писано по этому вопросу. Работа его представляет эпоху в изучении арабско-мусульманской истории: так как она написана по-русски и очень немногие могут ею пользоваться, мы сочли уместным во многих местах изложить его выводы, стараясь по возможности распространить результаты его исследований».

Тесно связана с Палестинским обществом общественная и научная деятельность крупнейшего русского востоковеда, главы советской арабистики академика И. Ю. Крачковского. Официально И. Ю. Крачковского общество выбрало своим действительным пожизненным членом в 1915 г.; в 1921 г. он — член Совета этого общества, а с 1928 г. до самой кончины — товарищ председателя, исполнявший обязанности самого председателя. Но еще до официального избрания пожизненным действительным членом общества И. Ю. Крачковский тесно сотрудничал с этим обществом по линии его просветительно-учебной деятельности и на территории Палестины, Сирии и Ливана. И. Ю. Крачковский во время своего пребывания в этих странах в 1908—1910 гг., помимо основной научной работы, отдал много сил и энергии ознакомлению со школьным делом общества.

За два года, исколесив эти страны, И. Ю. Крачковский установил личный контакт с преподавательским персоналом Палестинского общества, выказав живой интерес к уровню его подготовки, постановке преподавания, быту преподавательского состава. В 1909 г. ученый неожиданно оказался в Триполи: ненастная погода на море задержала И. Ю. Крачковского в городе, и тут же он использует это время для знакомства с достопримечательностями города «в лице здешних училищ, которых масса. В женских сначала ничего толком не мог добиться, но потом удалось познакомиться с начальницей, довольно симпатичную девушку, бывшую раньше в Бейт-Джалле, которая и приняла меня за французского посла». Вторично побывав в Триполи, И. Ю. Крачковский в свой дневник записал: «Обозревал опять женские школы и даже рискнул по-арабски экзаменовывать». Видимо, экзамены не были легким делом, ибо И. Ю. Крачковский 26 июня 1909 г. писал: «Экзамены меня заели: сегодня у мальчиков в Триполи, завтра там же, даже, кажется, с митрополитом».⁵

В результате близкого знакомства с системой школьного образования Палестинского общества, с преподавательским составом, с питомцами начальных школ и семинарий И. Ю. Крачковский сыграл крупную роль в деле преобразования просветительной деятельности общества. Будучи членом Комиссии по вопросам преподавания русского, арабского и западных языков в школах общества, И. Ю. Крачковский составил записку и отчет, изложив свою точку зрения по этому вопросу и внеся много нового в систему школьного образования. С членами комиссии (особенно с ее консервативной частью), приехавшими для инспектирования школ общества, И. Ю. Крачковскому пришлось вести бой, но принципиальность и убежденность сделали свое дело: их «здорово удалось переупрямить, и моя записка прошла почти целиком».⁶

⁵ См.: Палест. сборник, вып. 1 (63), 1954, с. 114, 115.

⁶ Там же, с. 117.

И. Ю. Крачковский принадлежал к той части востоковедов-арабистов, у которой чувство глубокого уважения к культуре арабов, их прошлому тесно переплеталось с чувством любви и уважения к их творцу — арабскому народу. Думаю, эта черта в характере И. Ю. Крачковского как ученого стала одной из важных, если не единственной причиной одного из его великих открытий, связанного с поездкой в Сирию, Палестину и Ливан.

Большинство западноевропейских арабистов того времени не признавали ни настоящего, ни будущего за арабами, изучая их только в аспекте прошлого. Благодаря живому общению с арабами во время двухлетнего пребывания в Сирии, Палестине и Ливане И. Ю. Крачковский заметил отрадный факт, явный симптом возрождения арабского народа, его пробуждения — факт зарождения новоарабской литературы. По возвращении на родину, приступая к преподавательской деятельности в родном университете, И. Ю. Крачковский читает вступительную лекцию, задуманную им еще в горах Ливана, — «Исторический роман в современной арабской литературе». Этим он первый заложил фундамент систематического изучения новоарабской литературы в высших учебных заведениях.

Сами арабы быстро осознали великую заслугу И. Ю. Крачковского как ученого и друга арабского народа. Еще в 1932 г. египетский писатель Амин Хассуна писал, что И. Ю. Крачковский «отличается от других востоковедов широтой затрагиваемых тем и их глубоким исследованием. . . но, самое главное, он не отделяет арабскую литературу от арабского народа, создающего ее. Как часто в своих исследованиях и как славно он защищает арабский народ и его культуру».⁷

Свидетельством глубокой веры И. Ю. Крачковского в дело возрождения арабского народа, его культуры, может служить и следующий факт. По словам К. В. Оде-Васильевой, в 1949 г. один из арабских литераторов-скептиков спросил И. Ю. Крачковского, верит ли он в будущность арабского языка, на что получил ответ: «Если бы я не верил в будущность арабского народа и его языка, я бы не стал тратить свою жизнь на такую ерунду».⁸

⁷ Там же, вып. 2 (64), 1955, с. 135.

⁸ Там же, с. 130.